

Алекс Ван Мэй

Спун по имени Фидель

повесть-сказка

Алекс Ван Мей

Спун по имени Фидель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28953000

SelfPub; 2018

Аннотация

Даже тот, кто тихо сидит в углу, способен изменить мир – ведь он видит больше, поскольку не отвлекается на суету и амбиции. . . Спун по имени Фидель – совсем «не геройский» герой. Кто-то назовет его аутичным, странным, асоциальным или, может быть, по-взрослому, «дауншифтером». Но ему повезло родиться в такое время, когда жизнь на своей скорости не делает его изгоем в обществе, ведь общество начинает меняться.

В одном старом трактате сказано так:

«Бывает, что спун рождается раз в сотню лет и живет как отшельник. А бывает, спуны рождаются каждый год, и вот уже смотришь – в одной семье растут два или три спуна. Никто не знает, почему они появляются именно в это время, но понятно, зачем: настало время изменить мир.

И вскоре старый порядок тает, как снег на горе Сонсузлук. Новое поколение говорит: «Система и подчинение? Нет, не слышали о таком». И государство, почесав в затылке, начинает искать новые способы объединить своих граждан...»

Пролог

Кое-кто уходит в сны дальше обычных людей или С новосельем

Казалось бы, нет ничего проще, чем разбудить ребенка и собрать его в школу. Но только не в этой семье.

Фидель дремал, свернувшись калачиком, зажав ладошки между колен. Не было в мире в этот момент другого столь безмятежно и бессовестно дремлющего ребенка.

– Проснись, проснись, я уже приготовила завтрак!

– Фидель, ты слышишь меня?

– Сыночек, уже пора! Всё на свете проспидишь!

Мама стояла над ним в халатике, с деревянной лопаткой

для блинчиков. Она могла бы оставить лопатку в кухне, но от беспокойства забыла. «Бедный мой ангелочек!» – шепнула она.

Папа уже чуть-чуть злился. Он пил чай и завязывал галстук, и почти опаздывал в банк. «Ах ты, чертёнок!» – про-бормотал он.

Маме пришлось кое-как одеть спящего сына, и папа на плече притащил его в школу. Там его усадили за парту, и он проспал целый урок, прежде чем понял, что происходит.

Эта история повторялась уже вторую неделю.

Месяц назад они переехали сюда с Широкой равнины.

Когда Спун появился на свет, его родители даже не знали, что он спун. Они думали, он обычный ребенок, и дали ему человеческое имя Фидель.

Тогда они жили в пригороде и никуда не спешили. Папа с утра уезжал на работу и возвращался к ужину. Мама с утра отправлялась на рынок, на почту, в прачечную, и возвращалась к обеду. Сын не ходил в детский сад и начальные классы – мама учила его сама.

Но потом они переехали в этот маленький город Тамтаун: папу назначили управляющим новым банком. Их занесли в список важных персон. Их поселили с почетом на живописном склоне горы. А у важных персон здесь было принято отдавать детей в школу.

Мама, конечно, пыталась поговорить с руководством

школы и объяснить, что ее ребенок особенный и лучше ему оставаться дома, – но Директриса кратко ответила:

– Это всё вздор!

И вот, несмотря на то, что зима приближалась к концу и у школы на солнечном месте побежали первые ручейки, а от сломанных веток запахло арбузом, так что детям было вовсе не до учебы, – несмотря на всё это Фиделя записали в ученики пятого класса.

Тут-то все и увидели, что новенький принадлежит к какой-то другой породе. Все люди бодро вставали с утра и шли по своим делам. И только Фидель не мог очнуться раньше полудня.

В первые же три дня он получил выговор от Директрисы. На четвертый день в школьной газете появилось распоряжение: официальный запрет спать на уроках.

– Бедный малыш! – вздыхала мама по вечерам, разглаживая утюгом темно-серую школьную форму в клеточку. – Как же непросто ему будет в обществе! Может, уедем отсюда?..

– Ерунда! – отвечал папа. – Это всё от разболтанности! Немного порядка, муштры, дисциплины, суровости и хождений по струнке – и всё наладится. А уехать никак нельзя – банк не справится без меня. И потом – мы уважаемые персоны, надо держаться.

Глава первая

Спунам не так-то просто вести себя как все или Объяснение в походе

Утром в четверг, восьмого апреля, Спун мечтал, стоя у окна в школьном коридоре, спиной ко всем, и пальцем водил по стеклу.

В школе ему понравилась одна девочка. У неё были веселые черные кудряшки, а имя как колокольчик – Дина. И теперь Фидель хотел подарить ей свою звезду, к которой летал. Самое ценное и красивое, что у него было.

Тут раздался ужасный шум – крики и свист, и топот, как от несущихся лошадей. Спун обернулся и вжался в подоконник. На него катилась толпа мальчишек.

Конечно, он и прежде играл с другими детьми. Но он никогда не видел столько народу сразу и совсем потерялся от этого. Когда на тебя несется горляющая толпа, поневоле отступишь в сторону.

– Эй ты, новенький!

– Как зовут?

– Догоняй! Ты ляпа!

Кто-то стукнул его по руке. Спун отважился. Он сделал несколько быстрых шагов, но тут же его сбили с ног. Он поднялся и снова шагнул, но кто-то метнулся ему наперерез, и Спун замер в нерешительности: он наверняка бы налетел на этого кого-то с разбегу, но разве можно сделать кому-то больно, даже нечаянно!

Он вернулся к окну. Мальчишки это заметили.

– Эй, тормоз! Ты что, устал?

– Ребята, да он же всё время спит на уроках!

– Эй, проснись!

– Тихоня, тихоня!

Они принялись прыгать вокруг, дергать его за рубашку и вскрикивать: «Ну, догони меня!», «Эй, трусишка!», «Проснись, тормозилка, проснись!».

К счастью, прозвенел звонок, и все кинулись по своим классам.

А вечером этого дня средняя школа пошла в поход с ночевой. Загородную пятницу решили считать за урок физкультуры и биологии.

Школа в Тамтауне была лишь одна, зато состояла она из трех зданий – начальной школы, средней и старшей. Говорилось, что так удобней держать дисциплину. В общем, хватило всего двух автобусов, чтоб аккуратно разместить в них всю эту среднюю школу.

Пять учителей и пятьдесят учеников высадились в роще, где пахло землей и стояли кирпичные домики. В каждом доме была печка и несколько диванов – специально для того, чтобы веселиться тут по выходным.

Мальчишки, которые налетели на Спуна в коридоре, не собирались сидеть на месте. Они схватили по бутерброду и унеслись в лес кидаться шишками. Они уже и забыли про

новенького. Какое счастье! Фидель совсем не хотел бы попасть кому-нибудь шишкой в лоб.

Зато девочка Дина никуда не убежала. Она сидела на корточках возле кирпичной стены и щепкой рыхлила влажную землю. Рядом с ней на земле лежали красные вязаные перчатки и шапка. Спун подошел к ней тихонько и стал смотреть.

Девочка вырыла маленькую ямку и хорошенько разровняла, чтобы ямка стала совсем круглой. Потом достала из кармана блестящий фантик, сложила вчетверо и опустила в ямку. А сверху втиснула желтое стеклышко от разбитой бутылки. И снова засыпала землей.

Тут она заметила Фиделя.

– Ну, чего смотришь?

Спун не нашел что ответить. Он не знал, как надо начать разговаривать с девочкой Диной. Он мотнул головой и сказал:

– Просто так! – а сам посмотрел туда, где под землей было стеклышко.

Девочка сказала насмешливо:

– Ты что, никогда не видел секретиков? Эх ты, новенький! Их же все делают! Это нор-маль-но! – Она аккуратно разгребла пальцем землю, и вышло как бы окошечко, и в окошке блестело золото. И сразу снова засыпала землей и приотпнула ботинком. «Как будто клад!» – восхищенно подумал

Спун.

– Я его сделала, чтобы сберечь свое имущество. Не так-то просто достать такие красивые стеклышки. Потом вернусь и найду. Ясно тебе, тихоня? Только не показывай никому, а то своруют. Знаешь, какой тут народец.

Она принялась вытирать руки о ствол березы, ствол стал чумазым и некрасивым. Потом подняла перчатки и шапку, отряхнула и сказала:

– Ты новенький, да? Из другого класса? Тебя как зовут?

– Фидель.

– Как взрослого, да? А дома тебя как зовут? У тебя есть детское имя?

– Нету, – сказал Фидель. – Папа не велит звать меня детскими именами, чтобы не баловать.

Девочка с сомнением посмотрела на него:

– У всех бывают детские имена! Я Диана, но никто не зовет меня так по-дурацки.

Она достала из кармана еще один фантик и зашагала к соседнему домику. Спун потихоньку поплелся следом.

– У меня тоже есть секретик! – начал он. – У меня есть звезда. Она тоже почти золотая и очень красивая. Могу тебе подарить.

– Давай! – сказала девочка. Она снова уселась на корточки и стала рыхлить щепкой землю.

И Фидель принялся рассказывать.

Небо перед ним расступилось, пространство расширилось. Фидель поднялся над землей и взлетел туда, где летают орлы, потом выше, где воздух становится всё прозрачней. Земля удалялась, вокруг нее блестел голубой круг. А Спун поднимался туда, где теряешь границы тела, становишься частью пространства, состоишь из маленьких искорок. Навстречу плыла его звезда, его счастье, переливаясь разными красками...

– А ты пойдешь бегать наперегонки? – вдруг спросила девочка. Она совсем не слушала. – Нет? Странный ты какой-то, это же нормально! Все любят бегать наперегонки! У тебя что, совсем нет *амбиций*?

Она выбросила щепку, отряхнула ладошки и убежала играть с другими детьми.

Спун остался один. Он присел, осторожно раскопал стеклянный секретик, полюбовался и снова прихлопнул землей.

Ничего, завтра ещё целый день. Вот тогда-то он и расскажет девочке Дине об этих полетах к звезде. Наверное, она просто не поняла. Надо рассказать всё сначала, но только как следует.

...Когда на следующий день он выбрался из своего домика, солнце уже поднялось высоко. Фидель огляделся по сторонам. Где же люди? Подергал дверь соседнего дома. Потом еще одного. Все двери оказались заперты на замок.

Посреди лагеря чернело костровище с потухшими угольками. Над ними на длинной жерди висел котелок с толстым слоем чаинок. Немного пахло жареными сосисками. Мешок для мусора был набит банками из-под йогуртов и консервированных ананасов.

Похоже, во всем лагере не осталось ни единой души.

Спун сел на бревно и начал соображать. Да, ведь вчера обещали поход на гору! Значит, все ушли и бросили его здесь. Ушли давно, потому что котел уже очень холодный. Ушли рано утром, как и полагается, наверное, уходить в походы.

Значит, сегодня ему не поговорить с девочкой Диной. Опять всё проспал. Как печально.

Пешком он вернулся в город.

Вечером Спун сидел рядом с мамой. Когда всё вокруг было слишком сложно и слишком запутанно, он приходил к ней и прижимался ухом. Тогда мамин голос звучал изнутри, и Фиделю казалось, что он снова маленький и ничего не надо решать самому.

– Мама, мне кажется, что другие ребята лучше меня... Почему я не умею бегать наперегонки? Все другие умеют! Почему я всё время всё просыпаю? Почему я не как все, а?

– А тебе хотелось бы быть как все? – спросила мама.

– Конечно же, да!

– Знаешь, если это тебя утешит... – начала мама и поце-

ловала его в нос. – Не бывает никого *слишком* особенного. На каждого «не как все» найдется хотя бы один такой же. Вот я и папа – мы вполне обычные люди, и так отлично друг другу подходим. Ты немножко другой – значит, где-то найдется такая же точно девчонка и пара друзей. А кроме того, мы ведь все для чего-то нужны. Никто не рождается просто так. И наверняка где-то ждет дело, с которым справишься только ты.

Глава вторая

Спит спун – хоть из пушек пали или Наводнение вдруг

Спун проснулся, потянулся, открыл глаза.

Вокруг было синее небо.

Он поскорее зажмурился. Этого быть не может. Наверное, он все еще спит. Он пощупал руками, ногами – кровать на месте. На месте подушка и одеяло. Он засыпал в своей комнате – это ясно! – значит, сейчас он откроет глаза и увидит комнату.

Фидель осторожно приоткрыл один глаз. Вокруг было синее небо.

«Ой-ё-ёй! – подумал он. – Говорила мне мама: вставай, всё на свете проспишь! И вот... Я проспал!»

Никогда раньше Фидель не представлял себе, что значит проспать всё на свете. Это значит – чтобы исчезла комната,

мебель, весь дом. И никогда ничего больше не случится. Да, теперь ясно, как это! Проснуться в такой пустоте. А вдруг он проспал много лет, их дом развалился от старости, речка высохла, лес рассыпался в пыль...

Впрочем, лес, кажется, был. Только сейчас Спун заметил пушистую веточку вербы над спинкой кровати. Вечером ветки не было – это он помнил точно.

Тогда он набрался мужества и посмотрел вниз.

Внизу было поле, а сам он был посередине высокого дерева, кровать накрепко застряла в ветвях. Он так спал, что и не заметил, как попал в такое неподходящее место.

Тут Фидель рассмотрел, что по полю идет человек. Он нес на плече длинный шест и вытирал рукавом лицо, а шляпа совсем съехала у него на затылок. По тропинке через поле человек подходил всё ближе, и стало видно, что он совсем не молоденький и очень-очень уставший.

– Эй, ты, спун! – крикнул он. – Слезай!

Он приставил шест к дереву, и Спун, забрав с собой одеяло, осторожно скатился вниз.

– Много вас тут таких! – ворчал между тем старик. – На каждом дереве спун, под каждым деревом спун! И откуда вас набралось!

Фидель удивился, и дед был явно этим доволен.

– Да уж известно! Только спун не заметит, как его кровать

уносит здоровенный поток воды!

Трава под ногами была мокрой. По правде говоря, они оба просто стояли в огромной луже. Фидель переступил с ноги на ногу и поплотнее закутался в одеяло, продолжая глядеть на деда.

– И вот, – продолжал тот ворчать, – каждый год дед Мевлан ходит снимать их с деревьев, вытаскивать из кротовых нор, искать под кустами, вылавливать в лужах... А в этот раз целых двух – девицу в парике и мальчишку в тапках! Кстати, ты почему спишь в тапках? – не дожидаясь ответа, он повернулся, чтобы шагать прочь.

– Нет-нет! – закричал Спун. – Пойдите! Что за девица в парике?

Крестьянин обернулся, хитро взглянул и махнул рукой: ладно, пошли!

Идти было совсем недолго. Поле кончилось, кончился лес, началась деревня.

Спун во все глаза смотрел по сторонам. Что-то было не так во всех этих домах: у многих были растрепаны крыши, у других повалены изгороди, всюду валялись черепки и мокрые простыни. Но люди как ни в чем не бывало ходили по улицам, собирали раскиданные вещи и весело переговаривались.

Спун и старый крестьянин зашли в один из домов, который был уже почти прибран, только поленица лежала рас-

сыпанная по всему двору. В доме было светло, Фидель никогда не видел таких чисто вымытых окон. Посреди стола стояла миска с варениками и чашка сметаны. А за столом сидела в пижаме девочка лет девяти с вилкой в руке. На девочке действительно был парик, малиновый, с блестками – должно быть, она сама смастерила его, такую прекрасную вещь не найдешь в магазине.

– Привет! – сказала девочка и помахала рукой.

– Ну, милости просим! – крестьянин легко подтолкнул Фиделя, который застыл на пороге. – Очнись, спун! Марфа, дай нам поесть! Видишь, парень совсем не в себе.

Из другой комнаты босиком вышла девушка в голубом платье, она несла на подносе две чашки с супом и улыбалась.

– Молодец, внучка! – похвалил дед Мевлан. – Учитесь, спуны: как заботиться о других, как встать на рассвете, растопить печь, наварить еды, всех накормить...

Фиделю очень хотелось есть. Но сначала ему хотелось узнать...

Что с ним случилось? Почему он вдруг оказался вдали от дома, среди незнакомых холмов?

– Это же наводнение, чудак, обычное ежегодное наводнение. Ты явно не местный, – кивнул дед Мевлан.

Конечно, Спун был не местным! На его родной равнине и речек-то толком не было – лишь небольшие озера, которые даже в сезон дождей не умели как следует разливаться. Это

была тихая местность с ровной землей, спокойными людьми и мирной погодой.

– Ну что же, слушай! – и дед Мевлан усадил Фиделя поближе к горячей печке.

Наводнение... В этом краю большая вода не была в диковинку. Каждую зиму в горах собирался снег, и каждую весну он спускался в долину. В первых числах апреля все жители предгорных поселков и городков наводили порядок в своих дворах, уносили с улицы развешенное белье и плотней запирали ставни. Все запасались едой и с восьмого числа старались не выходить из дома.

И вот – обычно это случалось ранним утром, с первыми жаркими лучами солнца – на вершине горы Сонсузлук просыпался самый высокий сугроб. Он чуть-чуть шевелился, приседал, падал на бок и медленно полз вниз по склону. По дороге он будил и увлекал за собой другие сугробы – чем дальше, тем больше. Десятки, сотни – набирая скорость, они катились вниз, продолжая таять, захватывая по дороге сухие ветки, листья, прошлогодние травы...

Наконец гигантский поток катился по самому краю города и проносился дальше, к деревне. Редко случалось, что кто-нибудь не успеет захлопнуть форточку или дверь – тогда вода подхватывала и уносила что-нибудь нужное, а после приходилось долго сушить на солнце ковры и одежду. Но обычно этого не случалось, и жители с удовольствием смотрели

сквозь хорошо закрытые окна, как несется поток. Вода и снег были повсюду, выше окон и крыш, они дочиста мыли стекла, сметали пыль со стен, поднимали мусор из каждой щели, кружили и уносили прочь, в долину – туда, где были поля. Как после этого колосилась рожь, как цвела картошка!

В деревне сразу делалось видно: кому пора обновить крышу, кому поставить забор покрепче. Беспощадный поток не был катастрофой и бедствием – он всего лишь указывал на слабые стороны. Природа давала хороший урок, и мудрые жители не возражали, а смотрели и исправляли, меняли трухлявое на крепкое, отжившее на живое...

А после потопа люди выходили из домов на блестящие, чисто умытые улицы, и начинался Праздник обновления.

Глава третья

Спуну знают ночь лучше других людей или Праздник обновления

Согретые супом, одетые во всё теплое, оберегаемые своим новым знакомым, случайные гости деда Мевлана постучались в соседний дом, где был телефон. Телефонную линию давно уже провели так, чтобы ни одно наводнение не могло оборвать провода.

– Где ты? – услышал Фидель чуть не плачущий мамин голос. – Мы ищем тебя полдня! В доме творится такое! Всё перевернуто вверх тормашками!

– Мама, я тут! Я за городом, всё в порядке, только кровать надо стаскивать с дерева... Вы с папой приедете? Дедушка, как им добраться?

– Сесть на автобус № 12 и ехать пять остановок от главной площади!

– Сынок, жди, мы скоро...

А спунская девочка немедленно заявила:

– Не буду-ка я звонить, бабушка не переживает, она у меня самостоятельная!

Но подумала и всё-таки позвонила.

– Аврора! – раздалось из трубки. – Стой, где стоишь! А теперь быстро и внятно рассказывай!

И спунка Аврора взялась объяснять, как проснулась в пижаме посреди поля, страшно замерзла и целый час пыталась вытащить ногу, застрявшую в чьей-то норе.

Они закончили разговоры и вернулись в дом, их ждала Марфа, переодетая в синее платье с белыми рукавами.

– Ну, выбирайте наряды и шляпы! – она подставила табуретку, отдернула занавеску над печкой и подтащила к себе большую картонную коробку.

Оттуда вывалился целый ворох цветастых шляп: одни – в виде белых пушистых сугробов, другие – в виде цветущих зеленых холмов. На одних были повязаны синие ленты, как будто речные потоки спускались с гор, на других нашиты блестящие звезды, как будто млечный путь светился на чи-

стом небе.

Когда они вышли на залитую солнцем мокрую улицу, Аврора поправила коврик у двери.

– Ему было неудобно и грустно! – заявила она. – Всегда надо поправлять коврики, если они неровно лежат!

– Разве? – удивился Фидель. – Откуда ты знаешь?

– Обыкновенно! Это душа вещей, я ее вижу. Да потом покажу, а сейчас – побежали!

Но тут же остановилась, взяла его за руку и сказала:

– Ладно, давай друг друга всему учить. А то так неучем и помрешь. У тебя есть сестра?

– Нету! – ответил Спун.

– Ну вот и давай тогда, будто я сестра, а ты брат! Или, если хочешь, будто ты сестра, а я брат... В общем, давай, смотри!

На краю улицы лежал большой расколотый камень. На нем были надписи и рисунки.

Аврора присела, обняла камень и закрыла глаза.

– Иди сюда! – позвала она. – Сядь, закрой глаза и смотри! И сразу поймешь, что он чувствует.

Фидель присел рядом, потрогал камень. Теплый, песочного цвета с коричневыми прожилками. Спун закрыл глаза и увидел картинку: камень еще целый, и древний-преддревний мастер выбивает на нем надписи тысячу лет назад. Мастер выдолбил изображение лошади и поднялся – жена позвала

его пить кисель.

– Ну, посмотрел на его настроение?

– Нет, я посмотрел на каких-то людей. А на этой улице раньше был всего один дом, вот этот! Он самый-пресамый первый в деревне!

– Неужели? И где же ты это увидел?

– В камне, сама же меня научила!

– Я учила тебя смотреть на его настроение, грустный он или веселый! А ты что смотрел?

Они поглядели друг на друга и рассмеялись.

Фидель вдруг почувствовал: он больше не один. Сегодня чужие люди называли его спуном и не ругали при этом, так странно! А эта девочка будто была сильнее его и даже защищала.

– Эй, ребята! – окликнули их. – Помогите-ка!

Крестьянин пытался выкатить через калитку гигантское сырное колесо. Оно пролезло наполовину и не собиралось двигаться дальше. С их стороны калитки было видно, что оно упирается в корягу: стоило ее убрать, как сырное колесо выскочило на улицу, увлекая за собой хозяина.

Фидель огляделся.

Отовсюду к оврагу стремились съестные припасы. Из погребов выскакивали банки с вареньем, из сараев катились бочонки. Возле оврага, на краю деревни, сооружали столы – длинные белые доски были застелены скатертями. Кто при-

нес скатерть и доску, бежал домой за едой.

Не прошло и четверти часа, как все расселись. Жителей набралось человек двести. Спуну и спунку усадили на почетное место гостей рядом с председателем пира.

Тут к оврагу подъехал белый автобус с обшарпанным левым боком. Водитель помахал и крикнул:

– Вот, привез вам! Специально сделал крюк!

Фидель увидел своих родителей и кинулся к ним. Аврора неторопливо и чинно подошла к своей бабушке. Приехавшие были взволнованы, и чтобы хоть немного их успокоить, им поднесли по чашке компота и по букету первых тепличных ландышей.

Когда все, наконец, унялись, председатель пира поднялся и произнес зычным голосом:

– Друзья! Мы собрались здесь в честь ежегодного Праздника обновления. По традиции, сегодня мы должны съесть остатки прошлогоднего урожая. Зачем? – спросят наши гости. Чтобы скорей вырос новый, да лучше прежнего! Итак, мы будем веселиться целых четыре часа, покада не сядет солнце!

Фидель представил себе карнавал. Десятки людей в диковинных шляпах, пир за столом, все поют и танцуют. Но вот наступает вечер, и кто-нибудь говорит: «Ох, что-то быстро стемнело... Ну, пора по домам...» Праздник еще продолжается, но всем уже как-то невесело, каждый задумался толь-

ко о том, как в потемках брести до калитки, как собирать со столов посуду, и вот уже кто-то встает и грустно идет мыть тарелки, пока их еще видно...

– А почему только до захода? – спросил он.

– Не нами заведено, старые люди придумали! – отвечал председатель.

– Но почему?

– Почему? Да, почему? И правда! Мы никогда не спрашивали об этом! – заговорили вокруг.

– Ну, потому что будет темно. В овраге же нет фонарей. Мы ни разу не оставались на празднике после захода.

– Но ведь завтра воскресный день, вставать не работу не нужно, можно попозже лечь спать. Почему не остаться на празднике дольше захода солнца? Чтобы праздник закончился не потому, что *пора* прятаться по домам. Не потому, что страшно остаться в такой темноте. А потому, что и правда *хочется* по домам! Чтобы заканчивать праздник без сожаления. Давайте... Давайте устроим в овраге иллюминацию! – волнуясь, воскликнул Спун.

От восторга и собственной наглости у него застучали зубы. На него все смотрели. Он испугался, но мысленно шел вперед, где был страх, и там было очень светло. Фидель вдруг почувствовал себя отчаянно смелым. Окружающий мир будто распался на искорки, и эти искорки под его руками готовы были сложиться в каком-то новом порядке.

– Устроить что? – переспросила Спунка.

– Ил-лю-ми-на-ци-ю! Свет! Чтоб танцевать на празднике было светло, как днем.

– Иллюминацию...– задумчиво повторил председатель пира. – Ну что ж... Старый обычай предков велит нам заканчивать праздник в овраге с заходом солнца. Но ведь старый обычай может прийти в негодность и обветшать, как и старый забор. Я уж давно помышлял украсить наш праздник чем-нибудь новым. Люди уже готовы! А если люди готовы, обычаи стариков заменяются современными. Что ж, будь по-твоему, молодой человек! Раз у тебя есть смелость задать вопрос «Почему?» – будь по-твоему! Унесено же будет отжившее, словно сугроб с горы Сонсузлук!

И за те четыре часа, что садилось солнце, на столах появились факелы и самодельные фонари – свечи в банках из-под компота. Их зажгли разом.

– Ура! – закричал народ и захлопал в ладоши. Все бросились обниматься и поздравлять друг друга с новой весной, с новой традицией.

Аврора прыгала выше всех. А ее бабушка обняла родителей Фиделя и сказала:

– Как давно я не видела такой сияющей ночи!

Глава четвертая

Что во сне грезится – и наяву деетсяя

или Экстренное собрание

Хорошо, что назавтра было воскресенье. Потому что будь это понедельник, проспал бы не только Спун, но и его родители. Но маме Фиделя всё же приснилось, что она опаздывает в школу. За это ее вызвали к доске и велели снять браслетик из бисера, которым она дорожила больше всего на свете, завернули браслет в черную салфетку, сверху сделали надпись мелом: «Он наказан!» и кинули в клетку к хомячку.

Мама проснулась от этой чуши и воскликнула: «Боже, как хорошо, что всё это сон! Мне ведь ужасно нравилось в школе!» Потерла уши, чтобы взбодриться, и поспешила заняться делами.

А на следующий день, в понедельник, сон сбылся.

...Фидель опаздывал совсем чуть-чуть, он только замешкался, когда поднимал монету на улице. Монета была очень старой, и он успел мельком увидеть целую череду ее приключений – из кармана в карман, из руки в руку, от того момента, как ее вынесли с денежной фабрики в чьем-то кармане вместе с десятком других монет...

В общем, когда он открывал двери школы, уже зазвенел звонок. И когда бежал по лестнице на второй этаж, звонок всё звенел, громче и громче, а кругом пусто, все разошлись по классам. От этого внизу живота всё сжималось и делалось холодно, а пальцы немели. Опоздал!

На площадке второго этажа стояла Аврора в плаще и оранжевом парике. Вернее, почти лежала, свесив руки через перила, вид у нее был измученный и сонный.

– Как это? – не понял Фидель. – Что ты здесь делаешь?

– Да бабушка... Ей для науки нужна расписная тарелка из вашего кабинета истории... А ведь она повсюду таскает меня с собой, воспитывает...

– Ну ладно, пока, я бегу!

– Ага, беги, у вас там как раз собрание...

Только тут Спун заметил, что в коридоре полным-полно народу. Он остановился, пытаясь сообразить, что происходит.

Вся средняя школа вместе с учителями толпилась вдоль стен, шушукаясь и пересмеиваясь. Наконец из своего кабинета вышла директор школы.

Никто из учеников не знал, как ее зовут, все называли ее просто Директрисой. Учителя брали с нее пример, родители относились почтительно, а школьники старались лишней раз не попадаться на глаза. Она была такая великая, получила столько наград за школьную дисциплину, порядок в классах, четкие расписания без изменений – что внушала трепет и уважение. Никто никогда не видел, чтобы она улыбалась. Как неприступная снежная гора Сонсузлук, возвышалась она над суетящейся мелюзгой. О ней писали в газетах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.